

Десять лет апокалипсиса наконец-то сменились первыми лучами рассвета. В этот великий день, когда весь мир праздновал избавление от кошмара, Гань Буго жил своей обычной жизнью, не нарушая привычного уклада.

Его убежище располагалось на северо-востоке. Из-за тектонических сдвигов, сотрясавших землю в начале катастрофы, здешний пологий холм превратился в крутую высокую гору, на самую вершину которой вынесло крупный многопрофильный животноводческий комплекс. Благодаря такому уникальному расположению ферма в течение всей катастрофы оставалась недосягаемой для мертвецов. Подъём оказался слишком крут: обычным зомби высоченный склон был не под силу, а взобраться сюда могли лишь твари четвёртого ранга и выше.

Гань Буго в глаза не видел Владыку зомби, но после новостей о его уничтожении эволюция мертвецов повсеместно прекратилась, да и волны заражённых сошли на нет. Сам он уже очень давно не сталкивался с ходячими трупами. Воздух понемногу очищался, удушливый смрад разложения и мертвенная тоска рассеивались, и только тогда Гань Буго поверил: конец света действительно позади.

За окном выл ледяной ветер, кружили огромные, как гусиные перья, хлопья снега. Гань Буго бросил взгляд на термометр. В комнате кое-как держались комфортные плюс восемнадцать-девятнадцать градусов, и то лишь благодаря вовсю растопленному котлу. А снаружи бушевала лютая стужа — минус пятьдесят!

Его жилище напоминало матрёшку из трёх слоёв: внешний купол из закалённого стекла, средний теплоизоляционный слой и, наконец, сама жилая пристройка. Не будь этой хитроумной защиты, в здешних краях, где температура то и дело падала до смертельных пятидесяти градусов мороза, выжить было бы попросту невозможно.

— О чём задумался? — подал голос огромный белоснежный тигр, развалившийся у порога.

Заметив, как Гань Буго высматривает показания термометра через смотровое окошко, хищник сразу понял: хозяин опять витает в облаках.

— Конец света миновал, даже дышать стало легче, — отозвался Гань Буго.

Хотя дома в одном термобелье было вполне тепло, он всё равно кутался в поношенную душегрейку из овчины. Тело-то согрелось, а вот в душе никак не утихал застарелый озноб прежних лет.

— Полегчало-то полегчало, да только мороз никуда не делся, — фыркнул белый тигр, чьи круглые глаза хитро поблёскивали, а тяжёлая пушистая лапа нетерпеливо скребла пол. — У тебя шерсти нет, так что гулять тебе нельзя. А мне вот побегать хочется!

— Только попробуй высунуть нос — запрю дверь и обратно не пущу! На улице собачий холод, незачем туда-сюда тепло выдувать, — Гань Буго ночную стужу не жаловал. — Лежи в тепле.

Если жарко станет, иди проветришься в коридор. Можешь там и поспать, у тебя же там обустроена лежанка.

Так называемым «коридором» он именовал круговой зазор между жилой стеной и теплоизоляционным слоем. Там было достаточно просторно, чтобы три-четыре человека могли идти бок о бок. Для Сяо Бая там действительно соорудили просторное гнездо, но тигр спал в нём лишь изредка. Даже под защитой стеклянного купола температура в этой зоне редко поднималась выше нуля.

Там держался приличный холод, так что Гань Буго приспособил потолочные балки коридора под вешала для припасов, используя это пространство как естественную холодильную камеру. А уж то, что творилось за стеклом, и вовсе заменяло колоссальный морозильник.

— Ну уж нет, — огромный белый зверь замотал круглой головой. — Что я там забыл? Буду греться в комнате.

— Тогда следи за котлом, чтобы огонь не погас. Подбрасывай дрова, держи жар, я ведь морозов не выношу.

Гань Буго неторопливо перебрался в плетёное кресло-качалку перед камином. Раздался мерный, убаюкивающий скрип. В этом движении сквозило ленивое, мирное довольство.

— Самое лютое время на исходе. Скоро потеплеет, тогда и выберемся наружу.

У Гань Буго было железное правило: едва столбик термометра опускался ниже тридцати градусов мороза, его уличная активность прекращалась. Метели ли бушевали, валил ли тихий снег — он упорно сидел безвылазно дома, дожидаясь весенней оттепели и первых признаков таяния. До тех пор выманить его наружу не мог никто в мире. Он согласен был заживо заплесневеть в четырёх стенах, лишь бы не высовывать нос в эту ледяную пустошь.

Зимы на северо-востоке после конца света стали неописуемо жестокими. Морозы под пятьдесят градусов начисто стирали любые признаки жизни: ни птицы в небесах, ни человеческого следа на заснеженных тропах. За десять лет катастрофы человечество сильно поредело. Земли опустели настолько, что за несколько лет уединённой жизни на этой горе Гань Буго встретил от силы пару бродячих отрядов — в общей сложности меньше пятисот человек. Зато зомби и мутировавших зверей он повидал с лихвой. Немало их полегло от его рук.

— Весной уже не будет прежней опасности. Что планируешь сажать? — спросил Сяо Бай, ложась у его ног. — И как быть со скотиной в вольерах? Скоро начнётся окот, может, расширим поголовье?

— Зачем плодить лишних? Мне одному столько не съесть, — Гань Буго поправил овчинную душегрейку на коленях. — За эти годы я накопил приличные запасы в своём Пространстве, там

они вечно свежие. Но куда мне больше? Копить для тебя? Так ты обычное мясо не очень-то жалуешь.

— Обожаю мясо мутантов, да только они перевелись почти, — вздохнул тигр и перевалился на спину, забавно перебирая лапами в воздухе. — Приходится довольствоваться говядиной да бараниной.

— Свинина тоже хороша, — напомнил ему Гань Буго.

Помимо овец и коров, на его ферме водились свиньи, олени, косули, а также целая птичья орава из кур, уток и гусей. Это обеспечивало его не только свежим мясом, но и яйцами. Конечно, все эти животные, будь они дикими или домашними, подверглись мутациям, но выбирать не приходилось — главное, было чем набить желудок.

Прокормить такую махину, как взрослый амурский тигр, — задача не из лёгких. Гань Буго приходилось постоянно заботиться о приличном запасе мяса. Сяо Бай, конечно, и сам охотился, но далеко от хозяина отлучаться не мог — его охотничьи угодья ограничивались парой десятков ли вокруг фермы. Дальше он просто не уходил.

Пусть их мир и сузился до границ этой горы, зато здесь было сытно и безопасно. Гань Буго подобрал тигрёнка крохотным комочком и выходил его, а подросший хищник стал его верным защитником. Так они и выживали рука об руку все эти тёмные годы, пока наконец не забрезжил рассвет новой эры.

— Терпеть не могу возиться с мелкой дичью и перьями! — ворчал Сяо Бай.

Зверь признавал только крупную добычу. Оно и понятно: этот мутировавший амурский тигр превосходил своих докризисных сородичей размерами чуть ли не вдвое. На его лопатках едва заметно бугрились два мясистых выроста — зачатки так называемых «крыльев ветра».

Гань Буго потянулся и ласково почесал тигра по спине, как раз между этими бугорками.

— И как эти недокрылья поднимут тебя в воздух? Ты же за зиму отъелся как бочка.

— Ещё как поднимут! — тигр довольно мотнул хвостом.

— Сдаётся мне, ты никакой не тигр, а легендарный бяо, — Гань Буго задумчиво потёр подбородок. — Серьёзно, чутьё меня никогда не подводит.

— Да ну тебя! — на тигриной морде отразилось на редкость очеловеченное пренебрежение. — Когда ты меня подобрал, то вообще обозвал несчастным бродячим котёнком и нарёк Сяо Баем. Ну и какой я тебе малыш? Я же в два раза крупнее обычного амурского тигра! А когда я начал расти как на дрожжах, ты решил, что просто закармлил меня, и я растолстел!

Тогда Гань Буго с испугу посадил питомца на строгую диету, чуть не заморив голодом. В итоге зверь плюнул и перешёл на самообеспечение. Крупных мутантов подросток одолеть ещё не мог, а вот придушить домашнюю птицу или утащить поросёнка — запросто. Понеся ощутимые потери в хозяйстве, Гань Буго наконец признал свою ошибку: перед ним был вовсе не раскормленный кот, а стремительно растущий мутировавший тигр-альбинос.

К первому году жизни Сяо Бай вырос до половины своего нынешнего размера, а к двум годам превратился в колоссального хищника. В три года он принялся зачищать окрестности от бродячих мертвецов, а в четыре — начал охотиться на мутантов. Мясо чудовищ служило ему не просто пищей, а источником чистой энергии. Рост и развитие требовали огромной силы, и тигр жадно поглощал её. Звери-мутанты попадались разные, но всех, кто пытался оспорить его власть, Сяо Бай безжалостно рвал на части. Так он очертил свои границы и обеспечил им обоим два года тишины и покоя.

— Да ты вылитый бяо! — гнул своё Гань Буго. — Иначе с чего бы тебе быть таким сильным?

— Не заговаривай мне зубы, — фыркнул великан. — У нас на северо-востоке «бяо» зовут каждого придурковатого дуралея! Я тебе не глупый тигр какой-нибудь.

— Кто тебе такую глупость сказал? — возмутился Гань Буго. — Юань Хаовэнь, великий литератор эпох Цзинь и Юань, которого звали «гласом Севера», в своих «Разнообразных записях из Гуйсинь» сохранил старинную легенду. Слушай: «В народе говорят: коли родит тигрица троих детёнышей, один непременно окажется бяо. Бяо свиреп и злобен без меры, и готов сожрать собственных братьев. Слышал я от охотников: когда тигрице надобно переправить троих тигрят через реку, она страшится оставить бяо с остальными наедине. А потому сперва переносит на другой берег бяо. Затем возвращается, берет второго тигренка, оставляет его на том берегу, а бяо забирает с собой назад. После сажает на спину третьего тигренка и несёт его ко второму. И лишь в самом конце возвращается за бяо. Так она всеми силами бережёт выводок, страшась, как бы бяо не погубил братьев». Вот видишь! Из этого предания ясно, что бяо — самый свирепый и сильный из тигрят. Погляди на себя: ты мало того что белоснежный исполин, так ещё и с крыльями!

У легенды о бяо есть и другое, мрачное продолжение.

Говорят, тигр и бяо хоть и одной крови, но заклятые враги. Всё дело в третьем, лишнем тигрёнке. Обычно у тигрицы рождается двое детёнышей. Третий, рождающийся крайне редко, и есть бяо. Из-за нехватки материнского молока он появляется на свет слабым, невзрачным, одетым в грязно-бурый пушок без единой царственной полосы. Мать не признаёт такого уродца, отказывается кормить, бьёт, кусает и в конце концов уносит подальше в чащу, оставляя на растерзание голодным волкам.

Бяо, лишенный заботы, обычно погибает во младенчестве. Но если ему удастся выжить, он вырастает невероятно свирепым и сильным чудовищем. Закалённый в суровом горниле дикой природы, он привыкает питаться сухой листвой, падалью, глотать землю, камни и пить болотную жижу.

Тело его покрыто шрамами, но ради выживания он учится летать над ущельями, взбираться по скалам и одолевает хищников, превосходящих его размерами. Его рёв напоминает смесь волчьего воя и львиного рыка, а характер впитывает всю жестокость и хладнокровие лесного мира. И первой его жертвой, когда он вырастает, становится бросившая его мать, а следом — любимые ею братья.

Бяо не знает пощады и любви. Жизнь научила его только ненависти. Он презирает всех крупных хищников и, едва прослышав о новом грозном звере в лесу, мчится на бой, не ради территории, а ради самой битвы. Раненый, окровавленный, он нелизывает раны, а сразу ищет нового врага. Уцелевший бяо обретает невероятное долголетие, способное сравниться с веком древней черепахи.

Оттого и говорят: «Добавь к тигру три росчерка — и явится бяо, зверь свирепый и на тигра непохожий».

— Я ведь изначально хотел назвать тебя Бяоцзы, да ты сам упёрся, — Гань Буго качнул головой. — Ладно, Сяо Бай тоже неплохо. А как насчёт Бай Бяо?

— Звучит точь-в-точь как «байпяо» — любитель халявы... — этот кошачий пройдоха умудрился выдать чисто человеческий каламбур.

Гань Буго аж поперхнулся:

— И откуда ты только набрался этой пошлятины? Я тебя такому точно не учил!

Он ведь подобрал Сяо Бая совсем крохотным, сам выкармливал молоком из пипетки. Откуда у зверя взялись эти познания в двусмысленном сленге старого мира — оставалось загадкой.

<http://bllate.org/book/18997/1868357>